

А. А. Беляков

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ОВЛАДЕНИИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАРЕЛАМИ И ФИННАМИ

Великий русский ученый и прекрасный знаток русского языка М. В. Ломоносов видел в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков.

В наши дни, когда в СССР небывало выросли экономика и культура, техника и наука, — вырос и развился и могучий русский язык.

Ведь язык и его развитие, его рост и все языковое богатство нераздельно связаны с самим народом — носителем этого языка, с его развитием и его историей, поэтому правильно будет сказать, что своим богатством язык отображает богатство всех сторон жизни народа. Великий и мощный язык присущ великому народу.

О великом русском народе И. В. Сталин в Кремле на приеме командующих войсками Советской Армии 24 мая 1945 года высказался следующим образом: „Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего, русского народа... за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. ...за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение“.

Язык великого русского народа достоин того, чтобы его изучали все народы Советского Союза.

На русском языке написаны произведения талантливых представителей классической русской литературы. Красоту поэзии А. С. Пушкина можно полностью почувствовать только тогда, когда читаешь ее на русском языке.

Богатейшая советская художественная, политическая, техническая и научная литература по всем отраслям знаний в основном написана на русском языке. Все выдающиеся произведения, написанные на языках различных национальностей нашего Союза, могут стать достоянием всего советского народа только тогда, когда они будут переведены на русский язык, ибо русский язык является тем центром, вокруг которого объединяются все языки многонационального Советского государства.

Каждый гражданин Советского Союза не может знать все языки, на каких выходит у нас художественная и научная литература. Но представитель любой национальности Советского Союза может и должен, кроме своего языка, овладеть также русским языком. Только тогда он сможет свободно пользоваться всеми богатствами и достижениями науки, техники и культуры.

Вся общесоюзная и международная жизнь в первую очередь освещается центральным радио и центральной прессой. Поэтому, чтобы знать повседневную жизнь нашей страны — нашей великой Родины — и важнейшие события международной жизни, необходимо знать русский язык.

На строительствах крупных предприятий и гидростанций, на великих стройках, где работают люди со всех концов нашей страны, представители всех национальностей, населяющих Советский Союз, свободное общение возможно только на одном общем языке, ибо всех языков, на которых говорят в нашей великой стране, невозможно знать. Таким общим языком является русский язык: он удовлетворяет всех, он служит лучшим средством общения и обмена мыслями. „Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства“.¹

Создатель Коммунистической партии и Советского государства, наш учитель и вождь В. И. Ленин писал свои произведения и говорил с народом на русском языке. Его верный ученик и последователь И. В. Сталин писал свои произведения и говорил с народом на русском языке.

Можно ли народам Советской страны не знать русского языка? Нам кажется, что в овладении русским языком у всех имеется большая потребность, которая приводит к необходимости изучения русского языка.

Иначе и быть не может. Единые общегосударственные планы, единые хозяйственные задачи, осуществление единой идеи построения коммунистического общества в нашей стране выдвигают потребность в овладении единым языком, понятным для всех межнациональным средством общения, орудием развития и борьбы. Поэтому двуязычие становится обычным явлением. Пользующихся двумя языками становится все больше, особенно среди представителей малых наций и народностей. Русский язык ни для кого из нас не кажется чужим языком; он является как бы вторым родным языком, необходимым в общей жизни страны.

В последние годы как финская, так и вообще вся советская школа пострадала от господства марровского „нового учения о языке“ и его представителей — марристов, которые игнорировали фонетику и морфологию, недооценивали правила орфографии.

„В свете гениальных работ товарища Сталина в программах и методике преподавания языков в средней школе обнаружены крупнейшие недостатки. Застой и теоретическая путаница в языкознании, как

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 22—23.

результат антинаучных, немарксистских установок Н. Я. Марра и его учеников и несвойственного передовой советской науке аракчеевского режима, самым отрицательным образом влияли на методику и практику школьного изучения языков. Вместо того, чтобы давать учащимся основы научного знания о грамматическом строе и о словарном составе изучаемого языка, последователи Н. Я. Марра в области изучения языков (Е. П. Петрова, В. И. Лебедева и др.) с фанатическим упорством внедряли в преподавание языков антинаучные прожектерские „идеи“, ведущие к снижению роли грамматики, прежде всего морфологии, в преподавании языка. Последователи Марра в методике преподавания языка допускали грубейшие ошибки: пытались установить непосредственную связь между грамматическими формами и идейным содержанием текста, отрывали работу по лексике от грамматики и литературного чтения, занимались „гнездованием“ слов, выдвигали на первый план синтаксис в ущерб морфологии и в связи с этим пренебрегали развитием прочных орфографических навыков“.¹

Все это привело к тому, что в настоящее время знание русского языка нерусским населением Карело-Финской ССР стоит еще на недостаточном уровне. Не говоря уже об ошибках в произношении звуков русского языка финнами и карелами, многие финны не понимают иногда даже слов и оборотов русской речи. Тем большие затруднения представляет передача своих мыслей финнами и карелами на русском языке: им трудно говорить по-русски из-за недостаточного запаса русских слов, из-за незнания русских оборотов речи, незнания грамматических норм. У нас имеются даже преподаватели русского языка в национальной школе, которые владеют русским языком не в полной мере.

Чтобы возможно скорее выправить это положение, следует сосредоточить усилия в двух направлениях одновременно: нужно, чтобы учитель овладел русским языком полностью, и, вместе с тем, нужно улучшить преподавание русского языка в школе.

У нас имеются хорошие методисты, у нас есть преподаватели с большим стажем и большими знаниями предмета и методов преподавания, есть учителя с большим практическим опытом, которые могут оказать большую помощь в деле преподавания русского языка. Они могут поделиться опытом своей работы. Их помощь в этом деле необходима для более молодых учителей.

Русский язык является языком иной системы, чем финский и карельский; он имеет совершенно другую грамматическую структуру, много своих особенностей, несвойственных ни финскому, ни карельскому языкам. Эти особенности, поскольку они являются для учащихся совершенно новыми, требуют более подробного объяснения.

Однако учитель связан программой в распределении времени по разделам. Значит, следует пересмотреть и учебные программы, почасовую сетку. Но даже не выходя за рамки количества часов, отведенных программой на русский язык, можно изменить распределение часов так, чтобы на прохождение трудных разделов было больше времени, чем сейчас. Для этого следует сократить до минимума время на

¹ Из постановления объединенной сессии отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР по вопросам преподавания языков в школе. Известия АН СССР, отд. литературы и языка, том X, выпуск 1, 1951 г., стр. 88—89.

прохождение тех разделов грамматики русского языка, которые имеют параллели в родном языке.

Правда, нельзя совершенно устранять параллельные языковые моменты. Например, категория имени существительного свойственна русскому языку так же, как и финскому и карельскому языкам, но упускать общее объяснение этой части речи нельзя, ибо если мы о ней ничего не скажем, то у учащихся останется недоумение и неуверенность в отношении значения имени существительного. Чтобы этого не случилось, нужно лишь вкратце отметить, что имя существительное в русском языке обозначает то же самое, что и в финском и в карельском. Для этого добавочного времени почти не понадобится, но у учащихся уже будет уверенность в правильном понимании значения существительного. Между тем особенности грамматической категории рода, свойственной русскому языку, и прочие несовпадающие моменты потребуют большего времени на объяснение и закрепление усвоенного.

Выявленные особенности требуют иного построения учебных программ и иных методов, следовательно, иных методических пособий по русскому языку в национальных школах республики. В этом отношении Министерством просвещения сделано еще очень мало. Нужно в кратчайшие сроки сделать все возможное, чтобы школа получила действенную помощь.

При составлении любого методического пособия по русскому языку обязательно нужно знать и учитывать грамматическую структуру и языка учащихся. Без знания грамматической структуры и фонетической системы языка учащихся невозможно выявить особенности русского языка.

Но не только составитель методических пособий должен знать грамматическую структуру языка учащихся. Фонетическую систему, грамматическую структуру и какую-то часть основного словарного фонда обязательно должен знать и преподаватель русского языка в национальной школе. Он должен постоянно учитывать те возможные трудности, которые встретятся на уроке, предугадать, предвидеть возможные ошибки и предупреждать их. Такая работа не потребует дополнительного времени и даст очень хорошие плоды.

Но если учащиеся допустили ошибку и она не была сразу замечена, дети воспринимают неправильное написание и произношение, и исправить такую ошибку уже весьма трудно. А многие ошибки могут остаться и вообще незамеченными.

Методистами эти особенности давно учитывались и имелись в виду, поэтому в ноябре 1950 года на объединенной научной сессии Академии педагогических наук РСФСР и отделения литературы и языка Академии наук СССР отмечалась необходимость знания языка учащихся учителями — преподавателями русского языка в национальной школе.

В рамках статьи мы не можем входить в подробности и ограничимся лишь рассмотрением основных особенностей.

Обратив внимание на языковые особенности, на необходимость предупреждения возможных ошибок, на лучшее распределение времени по разделам программы, мы повысим инициативу преподавателей в овладении основным словарным фондом языка учащихся, в изыскании лучших методов преподавания и т. д.

Трудными для усвоения русского языка нерусским контингентом учащихся являются многие фонетические и морфологические явления. Рассмотрим некоторые из них.

Например, фонемный состав русского языка не соответствует фонемному составу финского языка и языка северных карел. То обстоятельство, что в финском и карельском языках имеются гласные переднего ряда (ä, ö, y), которые отсутствуют в русском, не вносит затруднения при обучении русскому языку, но те звуки, которые есть в русском, а в финском и карельском (севернокарельские говоры) отсутствуют, весьма долго не усваиваются. Такими звуками являются звонкие согласные русского языка: б, г, д, ж, з.

Согласные б, г, д в литературном финском языке употребляются настолько редко, особенно в начале слова, что даже в больших финских словарях на эти буквы имеется лишь по несколько десятков слов. Все эти слова являются заимствованными, и в речи они участвуют исключительно редко.

Согласные ж и з совершенно неизвестны финскому языку: в заимствованных словах они произносятся, как s.

Звуком s финны передают и ш, а иногда и ч и щ, поэтому русские слова, произносимые финнами, понимать весьма трудно, а иные слова совершенно теряют свое русское значение; например: русское *очень* произносится *осень*; *бочка* — *поска*; *шила* — *сила*; *шуба* — *суна*; *жена* — *сена*; *жало* — *сало*; *глаз* — *клас*; *зуб* — *суп*; *щука* — *тсука*; *щипать* — *тсипать* и т. д.

Если дети (финны и северные карелы) приходят в школу, не владея фонемным составом русского языка, то для их уха не будет никакой разницы в звучании между с, ш, з, ж и даже ч, ш и ц. Недаром ш они называют kolmekeppinen ässä, т. е. трёхпалочное эс, ж — hämähäkki ässä, т. е. паук — паучное эс, щ — kolmekeppinen ässä häppän kanssa, т. е. трёхпалочное с хвостиком эс и т. п.

Исходя из этого, каждому учителю с первого же года обучения детей русскому языку нужно не только познакомить их с фонемным составом русского языка, но так натренировать их ухо, чтобы они чувствовали разницу, отличали tavallinen ässä от kolmekeppinen ässä и hämähäkki ässä, т. е. обычное свистящее с от шипящих ш и ж и др.

В то же время нужно научить их произносить эти необычные для них звуки правильно и четко. Нельзя допускать, чтобы они путали произношение, чтобы у них ш и з, и ж, и другие указанные звуки произносились одинаково — как s. Методические пособия должны дать указание — как добиться правильного произношения этих звуков.

Карелы средней и южной Карелии и вепсы в усвоении фонемного состава русского языка затруднений не видят. В их языке наличествуют все фонемы, какие имеются в русском языке. Добавочного времени на усвоение произношения звуков русского языка здесь не потребуется.

Довольно большую трудность для детей — финнов и карел представляет собой ударение в русском языке.

В финском и карельском языке любое слово имеет ударение на первом слоге. Этот закон соблюдается без всяких исключений, независимо от того, меняется форма слова или нет.

В русском языке дело обстоит совершенно иначе: ударяемым слогом может быть любой слог слова. Так, в слове *сани* ударение делается

на первом слоге, в слове *заря* — на втором, в слове *санитар* — на третьем, в слове *капитализм* — на четвертом, *кораблекрушение* — на пятом и т. д.

Но в то же время по законам русского языка во многих словах ударение может переноситься на другой слог слова при изменении его морфологической формы. Например, если в словах, образованных от слова *земляника*, ударение всегда будет оставаться на третьем слоге (*земляничные, земляничкой, о землянике, земляничный*), то в словах, образованных от *рыбак, санитар, вода* и др., место ударения будет меняться: в слове *рыбак* — на втором слоге, *рыбаки* — уже на третьем слоге; *санитар* — на третьем слоге, *санитария* — на четвертом; *вода* — на втором, а *водянистый* — на третьем и т. д.

Многие русские слова — графические омонимы — отличаются друг от друга только положением ударения. Например, если мы ударение делаем на втором слоге слова *замок*, то это — предмет для замыкания дверей. Если ударение в этом же слове перенесем на первый слог, то получим — *замок*, т. е. крепость феодала, дворец владетельного рода и др. Также: *мука* — *мука, село* — *село, вина* — *вина* и т. д.

Усвоение этого вопроса затрудняется тем, что не имеется внешних показателей, по которым можно было бы знать, где делать ударение. Нет таких правил, которые подсказывали бы место ударения. Чтобы знать, где, на каком слоге делать ударение, нужно запомнить каждое слово, и при этом в разных формах. Поэтому ударение, не затрудняющее русского ученика, является весьма сложным для финна и карела.

Работа по усвоению правильного овладения ударением русского языка требует не только объяснения, но и запоминания каждого русского слова на протяжении всего времени овладения русской лексикой и русской речью, поскольку в разных формах одного и того же слова ударение может переходить на разные слоги.

Для запоминания места ударения в слове весьма полезно заучивать наизусть стихотворения. Стихотворение может быть правильно и ритмично прочитано, если будут правильно выделены ударяемые слоги слов: сама ритмика стихотворения подсказывает ударяемые слоги. Совершенно незнакомые слова в стихотворении будут прочитаны правильно.

Большую трудность представляет наличие грамматического рода в русском языке и его отсутствие в финском, карельском и вепском языках. Этот раздел нужно так разъяснить, чтобы учащиеся с самого начала изучения русского языка поняли его особенность. Мышление учащихся финнов, карел и вепсов трудно воспринимает эту совершенно неизвестную им языковую особенность. Можно понять, что *мальчик* — существительное мужского рода, а *девочка* — женского рода. Но как объяснить, что *песок* — мужского рода, а *глина* — женского рода? Только по окончанию: логика здесь не поможет. Разъяснить, что *женщина* ж. р., а *мужчина* м. р., *тётя* ж. р., а *дядя* м. р. можно по естественному полу, здесь уже не помогут окончания. Трудностей очень много: — *Петр Иванович* — *врач* и *Елена Петровна* — *врач*? Какого рода *кондуктор, тракторист, агроном* и т. д.? Почему *пень* м. р., *кипень* ж. р.; *плетень* м. р., *плесень* ж. р.; *трутень* м. р., *супонь* ж. р.; *руль* м. р., *роль* ж. р.; *штемпель* м. р., *карамель* ж. р.; *лунь* м. р., *лень* ж. р.; *кошель* м. р., *пищаль* ж. р.; *ноль* м. р., *мозоль* ж. р.; *толь* м. р., *соль* ж. р.; *пляж* м. р., *сушь* ж. р.; *плюш*

м. р., *плешь* ж. р.; *кряж* м. р., *рожь* ж. р.; *локоть* м. р., *копоть* ж. р.; *лось* м. р., *ось* ж. р.; *портфель* м. р., *оттепель* ж. р. и т. д.

Те слова, у которых легко определяется грамматический род по окончанию или естественному полу, могут быть легко усвоены. Но когда ни окончание (на мягкий согласный), ни естественный пол грамматического рода не подсказывают, слова следует просто запоминать. Для этого весьма полезно составлять словарики на эти слова и, конечно, необходимо составить методическое пособие по теме „Грамматический род в русском языке“, где были бы рассмотрены все особенности этой категории глубже и полнее, чем это дано в школьных грамматиках. Это методическое пособие оказало бы большую пользу преподавателям русского языка, а также послужило бы справочником для взрослых финнов и карел, которые, довольно хорошо владея русским языком, допускают ошибки в употреблении грамматического рода.

Весьма важным моментом при овладении русским литературным языком является усвоение чередования согласных. Несмотря на то, что и в финском и в карельском языке явление чередования ступеней согласных имеется, чередование согласных литературного русского языка представляет большую трудность. Тем более, что среди самого русского населения употребление чередующихся согласных часто не согласуется с нормами литературного языка. Часто можно слышать и от русских (в диалектах): *ляжу спать* вместо „лягу спать“, *бежат по дороге* вместо „бегут по дороге“, *пекёт пироги* вместо „печёт“, *сейчас осветю дорогу* вместо „освещу“, *сидю на скамейке* вместо „сажу“, *глядю платье* вместо „глажу“; снизить — *снизю*, украсить — *украсю* и т. д.

Для финна и карела чередование согласных русского литературного языка является отличным от чередования в их языках; слова с чередующимися согласными приходится запоминать. Но само по себе явление чередования согласных им понятно по примеру своего родного языка, — понятна сама категория чередования согласных: как *kastua* — *kassun*, так и *носить* — *ношу*; как *mado* — *mavon*, так и *веду* — *вели* — *вести*; как *tegi* — *tejen*, так и *рог* — *рожок* и т. д.

Также совершенно понятно явление чередования гласных в русском языке, потому что это явление имеется в финском, карельском и вепсском языках. Сама по себе категория понятна, и если учитель приведет несколько примеров из родного языка учащихся, для сравнения с этим же явлением в русском языке, то недоумения не возникнет ни у одного из учащихся. Но какие гласные с какими чередуются — это опять-таки придется запоминать.

То же следует сказать и о беглых гласных. Их отличие от чередующихся гласных только в том, что они совсем выпадают, т. е. чередуются с нулем, например: *сон* — *сна*, *день* — *дня* и т. д.

При объяснении беглых гласных в русском языке весьма уместно здесь же привести параллели супплетивных форм русского языка с финскими и карельскими. Супплетивные — это такие слова, которые при разных грамматических формах производятся от разных корней, например: *я* — *меня*, *иду* — *шел*, *хорошо* — *лучше*. Такие формы имеются и в финском, и в карельском, например *huvā* — *paras*.

Особенно много трудностей для национала, говорящего на русском языке, представляет правильное употребление падежей и предлогов. Не только потому, что финский и карельский языки почти не

знают предлогов, а в русском языке их много, но и потому, что употребление предлогов в русском языке шире, чем употребление в финском и карельском языках послелогов, несущих те же функции, что и предлоги.

Для точного выяснения отношения предмета к предмету иногда недостаточно одних падежных средств. Например, в форме *столом* хотя слово *стол* и оформлено в определенном падеже — творительном, но отношение *стола* к другим предметам не ясно. Здесь на помощь приходят предлоги: они расширяют круг отношений предмета к другим предметам. Прибегнув к помощи предлогов, мы можем сказать: *за столом, над столом, под столом, со столом*.

Если бы каждый падеж, сам по себе или с предлогом, выполнял в основном только одну функцию, тогда усвоение падежей и предлогов не представляло бы трудности для финна и карела. Но, поскольку один падеж, т. е. слово при одном и том же падежном оформлении, может обозначать различные понятия, как например, *стола* в сочетаниях *нет стола, два стола, купленного стола* и т. д., а с предлогом может иметь и еще больше значений, как *со стола, из-за стола, у стола, около стола, от стола, мимо стола* и т. д., то финну и карелу эти понятия даются весьма трудно. Они легко усваивают основное значение падежа и часто это основное значение употребляют вместо неосновного. Особенно же сильно затрудняет их употребление предлогов. Финн и карел, зная достаточное количество русских слов, свою привычную финскую или карельскую форму передают соответствующей русской формой, например, *lumella — снегом*, но можно перевести и *на снегу*, это так же правильно, как и *снегом*. Естественно, что данное лицо может сказать правильно предложение: *снегом залепило окно*, но так же легко может сказать и *на снегу залепило окно*. Ведь и *снегом* и *на снегу* одинаково *lumella*. Тоже *piäh* соответствует русскому *на голову* и *в голову*; поэтому нет ничего удивительного, если услышишь предложение: *положи шапку в голову*, вместо *надень шапку на голову*; или: *мне пришла на голову мысль*, вместо *мне пришла в голову мысль*; *дерево рубили на топоре*, вместо *дерево рубили топором*; *самовар стоит на столе*, вместо *самовар стоит на столе*. Также *из стола* вместо *со стола*, *из меня* вместо *от меня* и т. д.

При прохождении темы „Склонение“ нужно разъяснить все функции каждого падежа и обязательно в связи с предлогами, исходя из многообразия значений, придаваемых разными предлогами. При этом необходимо учитывать все функции каждого падежа для финнов финского и карел карельского языков и все значения, придаваемые любому падежу послелогами этих языков.

Нужно ли говорить, что преподавателю русского языка в национальной школе необходимо самому знать эти особенности языка учащихся. Иначе он пройдет мимо и карельских и финских особенностей и связанных с ними русских особенностей. Нужно учесть, что функцию некоторых русских предлогов в финском и карельском языках выполняет падежи. Например, *еду в город* — по-фински *ajan kaupunkiin*, *живу в городе* — *asun kaupungissa*, *положи на стол* — *pane pöydälle* и т. д.

Глагольные времена представляют меньше затруднений для их усвоения, но отличия между всеми рассматриваемыми языками большие. Поэтому преподавателю русского языка в национальной школе

нужно знать, что, например, в карельском языке глагол имеет лишь два времени, прошедшее и настояще-будущее. Простого будущего времени глагол формально не указывает: *tulen* означает как „иду“, так и „приду“. Действие в будущем времени чаще указывается только составным глаголом. Если по-русски мы можем сказать: *я писал, я пишу, я напишу*, то по-карельски *mie kirjutiin — я писал, а mie kirjutan — я пишу и я напишу*.

В финском языке глагол различает тоже только два простых времени: прошедшее и настояще-будущее. Но весьма употребительны и составные времена: прошедшее совершенное и давнопрошедшее. В карельском языке эти составные формы являются пережитками и употребляются очень редко.

Весьма трудным для финнов, карел и вепсов является усвоение правильного употребления глагольных видов русского языка. В употреблении видов у финнов, карел и вепсов всегда наблюдается большая путаница. Это и понятно: ни в финском, ни в карельском, ни в вепском языках не различаются глагольные виды. Если мы скажем по-русски: *я ел* (несовершенный вид) и *я съел* (совершенный вид), то по-фински или по-карельски будет: *minä (mie) söin я ел и я съел*; или *я покупал* (несовершенный вид) и *я купил* (совершенный вид), по-фински или по-карельски: *minä ostin, (mie) ostiin я купил*. Понятия *я покупал* это уже не означает. Если нужно сказать *я покупал*, то употребляется уже не видовая категория, а категория многократности — *minä ostelin, mie osteliin*. В первом случае *minä ostin, mie ostiin* образовано от основы *osta-*, а во втором случае — *minä ostelin, mie osteliin* образовано от основы *ostele-*.

Не понимая видовых различий русского языка, но зная его словарный состав, финны и карелы часто употребляют вместо глагола совершенного вида глагол несовершенного вида и наоборот. Они не чувствуют ошибки, если говорят: „Все время *вынимал* бумажник из кармана и опять *положил* на место“, потому что слова *вынимал* и *положил* имеют одну форму по звучанию окончания, хотя они и совершенно различных глагольных видов: *вынимал* является глаголом несовершенного вида, а *положил* — глаголом совершенного вида.

Начиная различать такое несоответствие, говорящий старается избежать его, т. е. исправить видовое несогласие. Но в данном предложении, желая привести оба глагола к одному виду, он опять ошибается, потому что образует несовершенный вид от такого глагола, который при этом меняет свой смысл, становится не тем словом. Он говорит: „Все время *вынимал* бумажник из кармана и опять *полагал* на место“. Как видим, удалось привести второй глагол к несовершенному виду, т. е. уничтожить видовое несоответствие в предложении, но слово получилось такое, которое в данном контексте в русском языке не употребляется (употреблено в смысле *класть — клал*).

Таких ошибок в речи финнов и карел довольно много, поэтому при обучении детей русскому языку на категорию вида нужно обратить самое серьезное внимание.

Не входя в рассмотрение других категорий русского языка, имеющих свои особенности в сопоставлении с финским и карельским языками, следует сказать, что такие же трудности, как и глагольные виды, представляет для финнов и карел овладение категориями причастий и деепричастий русского языка. Особенности эти весьма

сходны с особенностями категории глагольного вида, поэтому их рассмотрение мы опускаем.

Несколько слов следует сказать относительно лексики, т. е. об овладении финнами и карелами словарным составом русского языка.

Поскольку никакая грамматическая категория не может рассматриваться вне лексики, вне слов, то при рассмотрении выше грамматических категорий нам уже пришлось затронуть фонетическую и морфологическую структуру слов, входящих в ту или иную грамматическую категорию. Остановимся еще на следующих двух вопросах: 1) многозначность слова и 2) словообразование, принципы словообразования.

Ряд русских слов имеет одно значение. Такие слова при их изучении труда не представляют. Но большинство слов, кроме своего основного значения, имеют еще разные дополнительные значения. Например, слово *поверить* как глагол совершенного вида соответствует глаголу несовершенного вида *верить*. В этом случае можно сказать: *я тебе поверю, если докажешь*. Но если нужно сказать: *я тебе поверю свою тайну*, то, не зная различных значений слова *поверить*, придется сказать: *я тебе скажу свою тайну*, ибо слово *поверить* неизвестно учащемуся как соответствующее глаголу несовершенного вида *поверять*. А ведь выражения *я тебе поверю свою тайну* и *я тебе скажу свою тайну* отличаются по значению.

Другой пример — русское слово *класть*. Основное его значение — помещать в лежащем положении. По-фински или по-карельски ему соответствует *раппа*. Но если нужно сказать русскими словами финское или карельское предложение *класть печку*, т. е. *складывать печку*, то и финн и карел могут сказать *положить печку*, вместо *сложить печку*; *курица положила яйцо*, вместо *курица снесла яйцо*; *положить столб*, вместо *поставить столб*; *положить шапку*, вместо *надеть шапку* и т. д. Такие ошибки в речи финнов и карел весьма часты.

Подобные ошибки происходят и от незнания переносного значения русских слов и выражений. Поэтому при изучении русского языка необходимо возможно полнее раскрывать значение слов, а не ограничиваться рамками краткого словаря.

Вопрос словообразования в преподавании русского языка важен потому, что, зная его принципы, зная, как при помощи суффиксов и префиксов можно образовать новые слова, легко составить обширный словарь от незначительного количества известных основных слов. Небольшое количество известных слов основного словарного фонда русского языка дает возможность с помощью словообразовательных суффиксов и словосложения произвести весьма значительное количество производных слов.

С другой стороны, знание определенного количества основных слов русского языка дает возможность понимать без затруднения весьма широкий круг русской лексики. Например, если мы знаем слово *вода*, то при знании словообразовательных аффиксов можем узнать или образовать множество слов; например: *водица, водник, водный, водянка, водяной, водянистый, надводный, подводный, подводник, водичка* и т. д. А сколько слов можно образовать с помощью префиксов и суффиксов, например, от слова *ход*?

Словосложение дает также большое количество образований; например, от того же слова *вода* можно образовать: *водовоз, водогрейка, водоем, водокачка, водонос, водосбор, водоход* и т. д.

Ясно, что знание принципов словообразования весьма полезно при изучении русского языка. Следовательно, этой теме нужно уделить и соответственное внимание и время, как в преподавании, так и в программах.

Итак, русский язык для учащегося финна и карела является языком иной системы, с иной грамматической структурой, для финна к тому же и с иной фонетической системой, и следует признать, что возникают значительные трудности при овладении многими явлениями русского языка.

Для облегчения усвоения русского языка нужны специальные методические пособия, учитывающие все особенности русского языка, не свойственные финскому и карельскому языкам.

Но для того, чтобы преподаватель лучше мог вникнуть в эти особенности, чтобы он их видел полнее, глубже мог войти в языковые тонкости — преподавателю русского языка необходимо знать и структуру того языка, на котором говорят обучаемые им дети.

Учитель должен иметь пособие, дающее описание грамматического строя языка учащихся, и словарь их языка. Конечно, еще лучше, если бы учитель имел в своем распоряжении сопоставительную грамматику русского-финского-карельского языков. Только при наличии этих пособий и специальных методических указаний по особенностям языков можно добиться правильного, полного и более легкого овладения русским языком финнами, карелами и вепсами.